

Ш. Сент-Бев

**Жизнь, стихотворения и
мысли Жозефа Делорма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ш11

Ш. Сент-Бев
Ш11 Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма / Ш. Сент-Бев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 404 с.

ISBN 978-5-517-88334-6

Раннее произведение знаменитого литературного критика Шарля Огюстена Сент-Бева (1804-1869), созданное в жанре литературной мистификации (1829). Эта небольшая книга вызвала читательский интерес и ряд значительных откликов в печати, в том числе статью А.С. Пушкина в «Литературной газете». Полностью на русский язык переведено впервые. Успех этой книги после первого ее издания был скандальным. Самый характер, жанр ее был необычен и трудно определим: она состояла из трех частей - двух написанных в прозе и одной в стихах. Заключают книгу отдельные, не связанные между собой соображения и размышления, касающиеся современной автору поэзии и критики. Шарль Сент-Бев оказался в будущем крупнейшим литературным критиком и историком литературы во Франции XIX в. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1986 года.

ISBN 978-5-517-88334-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дни близкой и дорогой нам дружбы, жизнь, потрясаемую приступами тоски, которые вызвали у нас глубокое сочувствие. Пока мы осуществляли этот труд, требующий особой деликатности и осторожности, дневник поэта все время лежал открытым перед нами и чаще всего мы только перелагали его.

Публикация такого рода в любое время, а особенно в наше, может быть обращена лишь к весьма ограниченному кругу читателей — к тем, в ком неодолимая тяга к поэтической фантазии, а зачастую и собственное ощущение мучительности существования создают интерес к чужим душевным невздам, тем более когда они облечены в гармоническую форму.

Но если это малое число людей, затерянных в толпе, не останется нечувствительным к мелодиям нашего друга, если его полные грусти страницы облегчат хоть некоторые души, больные тем же недугом, что и душа самого поэта, — души, снедаемые беспокойным талантом, не находящим применения, угнетаемые бедностью, измученные обманутыми ожиданиями, то это принесет его наследию счастливую славу, на которую он не смел надеяться при жизни, а для нас послужит лучшей наградой за наш благоговейно выполненный труд.

Жозеф Делорм родился в начале нашего века в большом селении возле Амьена. Единственный сын, он рано потерял отца и был заботливо воспитан матерью и теткой с отцовской стороны. Семья была весьма небогатая, но хорошего происхождения. С самого юного возраста вскормленный на моральных правилах и

приучаемый к трудолюбию, он отличался прилежанием в учении и неизменными успехами. Но уже тогда в его воображении втайне от всех зажглось пламя, ставшее для него впоследствии роковым.

Он любил рассказывать нам о своих детских фантазиях, о первых мечтах, светлых, радужных, жизнерадостных, какие всегда бывают у поэтов в пору их детства. Взрослея в обстановке неправдоподобных побед Империи, влюбленный в великолепие военных парадов, он долгие часы проводил один, в стороне от сверстников, бродя по какой-нибудь забытой тропинке и произнося монологи воображаемых персонажей, без конца придумывал разные опасные приключения, воображал себе осады, битвы и мятежи, в которых был главным героем.

Порой в глубине картины после многих героических деяний появлялась туманная фигура некоей красавицы и, на мгновение воплотившись в телесный образ, тут же таяла. Порой ему мерещилось, что он с триумфом возвращается из победоносных странствий, а где-то на балконе, разукрашенном приветственными флагами, за чуть приоткрытой занавеской мелькает восхитительный женский силуэт, или чья-то воздушная и стройная фигурка в белом одеянии наклоняется к нему с высоты и встречает проезжающего мимо победителя нежной улыбкой. Особенно легко и ярко разворачивались романические картины в воображении Жозефа, когда он бродил по полям. Каждый год он проводил два месяца летних каникул в замке, принадлежавшем старому другу его отца. Там

по соседству жила молоденькая девушка, светловолосая, застенчивая и густо красневшая всякий раз, когда он появлялся вновь. Она вызывала в нем неясные и незнакомые прежде чувства, которые он тщательно скрывал от всех, но которым с упоением предавался в своих одиноких прогулках по лесам. Там он садился, прислонясь к стволу какого-нибудь дерева, подняв колени и опершись о них локтями, закрывал ладонями лицо и погружался в свои мысли и воспоминания; он отдавал себя во власть бесчисленным голосам, звучащим внутри него, их неясным глухим жалобам, первому лепету пробуждающейся к жизни души; он был похож на дикаря, который распластался на прибрежном песке, вслушиваясь в гулкий и невнятный рокот моря. А когда вечером, в час ужина (о котором он нередко забывал), юношу начинали разыскивать, его не раз находили на том же месте и в той же позе, в которой видели утром, но с лицом, залитым слезами. В то время пылкое благочестие, овладевшее им, сообщало его рано проснувшимся чувствам нечто строгое и целомудренное и мешало этому детскому сердцу откликаться на человеческую теплоту. И в самом деле, Жозеф вскоре стал посвящать церковным службам все свободное время и заставлял себя многие часы проводить за утренней и вечерней молитвами: это придавало ему спокойствие и силу духа.

В таком счастливом состоянии он прожил лет до четырнадцати. Тогда он отправился в Париж заканчивать учение. В учении он, как это ему всегда было свойственно, быстро достиг

блестящих успехов, но в нем самом произошли большие перемены, которые и решили его будущее. Выйди он из коллежа более беззаботным и менее склонным к размышлениям и отдайся без колебаний своим литературным и поэтическим склонностям,— он, думается нам, несомненно преуспел бы на этом поприще, хотя и пришлось бы превозмочь некоторые вполне преодолимые препятствия и проглотить несколько горьких пилюль, вкус которых, впрочем, тотчас бы исчез; он нашел бы в своей душе достаточно нерастраченной энергии, чтобы через все это пройти, и его имя, ныне никому не известное, красовалось бы не на одном произведении. Но все получилось иначе. Ум Жозефа, с детства укрепленный привычкой к работе и побуждаемый огромной любознательностью, восстал против его поэтических наклонностей и одолел их. Он заговорил с ним суровым языком пожилого человека, представил ему всю эфемерность славы, пустое тщеславие воображения, собственное его имущественное положение, весьма скромное и непрочное, ненадежность обстановки, подстерегающие со всех сторон опасности новых общественных потрясений. Кому нужна лира в эти бурные дни? — И он разбил свою лиру. Жозеф не сохранил даже ни одного стихотворения, относящегося к этому времени. Казалось, его призвание к философии и другим наукам выявлялось все отчетливее: он принялся за них с жаром новообращенного и со всей самонадеянностью девятнадцатилетнего мальчика, почитающего себя мудрецом. Он отрекся от простодушной

веры, вложенной в него христианским воспитанием, и пылко увлекся дерзким безбожием прошлого века, вернее, тем мистическим и несколько мрачным преклонением перед природой, которое у Дидро и Гольбаха само напоминало религию. Жизнь его была подчинена мягким и человеческим моральным правилам, выработанным Даламбером. Он не позволял себе ступить ногой в церковь, но в воскресные вечера, идя домой, готов был пройти лишнюю милю, чтобы бросить в шапку нищего мелочь, накопленную ценой строгого самоограничения за неделю. Бесконечная любовь к обездоленной части человечества и беспощадная ненависть к сильным мира сего в равной степени наполняли его сердце; видя несправедливость, он задыхался от негодования, и кровь его бурлила. Вот небольшой отрывок из его дневника, датированный 1817 годом, где он отдает отчет себе самому в причинах, заставивших его отдать предпочтение какой-либо полезной профессии.

...Так как из-за ограниченности моих средств и скромного положения в обществе я был лишен возможности сделать карьеру на политическом поприще, на котором человек может обозревать не только настоящее, но и будущее, готовить почву для грядущего благосостояния, опираясь на нынешнее благосостояние своих современников, где личность может широкой рукой оказывать благодеяния множеству людей, я обратился к тем двум профессиям, которые дают независимое положение и нерушимые права, представителям которых люди вручают заботу о самом ценном для

них — либо о здоровье, либо о чести и деньгах. Надо было выбрать одну из них. Сначала профессия адвоката показалась мне более почетной и не менее полезной, чем профессия врача. Правда, я был тогда под впечатлением от Манури,¹ о котором Дидро рассказывает в своей „Монахине“, и восхищался его добродетелями. Но вскоре я понял, что счастливые случаи, позволяющие спасти слабых и невинных, представляются крайне редко, что обычно подобные попытки глушатся и подавляются колкими насмешками, иссушающими и разрывающими сердце. Я понял также, что высокие вопросы права естественного и права действующего — скорее дело философа и законодателя, нежели адвоката, чей удел чаще всего — скудная нива гражданского права, права варварского и ограниченного, где царит произвол.

Все эти помехи и препятствия отсутствуют в медицине, и я решил вопрос в ее пользу. Она нужна повсюду и во все времена. Она по-настоящему полезна, если применять ее с усердием и умом, и часто дает людям больше, нежели только физическое здоровье: она приносит им счастье, ибо столько телесных болезней происходит от недомоганий душевных, и моральное утешение — лучшее из лекарств. К тому же деньги, которые врач получает за свой труд у богатых, позволяют ему не только не взимать их с бедных, а, напротив, делиться с ними своими заработками, получать у одних, чтобы отдавать другим, быть живой связью между людьми различными по положению и в каком-то смысле сглаживать неравенство, на которое обрекает их

общество,— неравенство, противоестественное по существу».

Жозеф счел своим долгом выполнить обещания, данные им себе самому, и ради этой цели готов был не считаться ни с какими жертвами. Он внезапно перестал бывать у прелестной молодой особы, с которой мог надеяться через несколько лет соединить свою судьбу. Но идеи служения человечеству были у него столь непримиримы, что он боялся связать себя навсегда сильной привязанностью или, как он выражался, «эгоизмом на двоих». Кроме того, он заранее создал себе на будущее некий идеал брака, при котором церковный обряд венчания не должен был иметь значения: ему требовалась по меньшей мере вторая мадемуазель ла Шо,² или Леспинасс,³ или Лодоиска.⁴ Его первоначальная влюбленность в поэзию сменилась глубоким отвращением к ней. Он строжайшим образом запретил себе всякое опьяняющее чтение, чтобы тем вернее уничтожить в себе самом поэтические склонности. Он бессильно злился на всех Байронов и Ламартинов,⁵ подобно тому как сетовал Паскаль⁶ на Монтеня,⁷ а Мальбранш⁸ — на воображение, ибо великие поэты уязвляли самые чувствительные стороны его души.

Нас порой в дрожь бросало от внезапно овладевавших им приступов раздражения, которые свидетельствовали о том, что в решениях нашего друга было гораздо меньше твердости и спокойствия, нежели он старался показать; но советы были бы здесь бесполезны, да он и не спрашивал советов.

Что он выстрадал за эти два-три года непрерывной душевной пытки и каждодневной борьбы с самим собой, какой жестокий демон втайне терзал его и подрывал в нем рвение к избранному поприщу соблазнительными картинами его прежних занятий, какой мучительный трепет овладевал им при всяком новом литературном успехе его молодых современников, каким тяжелым камнем ложилось на его сердце сознание своей силы, остававшейся втуне, чего стоили ему эти ночи без сна, бдения без деятельности, книги и подушка, омоченные слезами,— это знал только он один, а мы теперь можем восстановить лишь частично по дневнику, к ведению которого все чаще его возвращала растущая тоска.

Почти все страницы этого дневника помечены ночными часами, как «молитвы» доктора Джонсона⁹ или стихотворения злополучного Керка Уайта.¹⁰

Из этого дневника становится ясно, что здоровье Жозефа было сильно подорвано, что способности его, не находившие выхода, породили глубокое нарушение деятельности всего организма. Мысль о том, что он смертельно болен, в добавление к другим огорчениям и бедам усиливала угнетенность его духа.

Он редко выходил из дому кроме как по крайней необходимости, не поддерживал дружеских связей, а когда случалось ему встретить кого-нибудь из друзей, они, видя, его добрую и застенчивую улыбку, принимали ее за признак довольства, тогда как то была лишь попытка скрыть страдание.

Однажды — это было воскресенье — солнце сияло так по-весеннему ярко, грело так ласково, что под его лучами расцветали и природа и человеческие души. Проснувшись, Жозеф ощутил, что атмосфера общей радости согревает и его сердце, и ему захотелось тоже почувствовать себя счастливым. Он быстро оделся и вышел на улицу, намереваясь отправиться в Медон и там в одиночестве порадоваться и помечтать среди тенистых аллей. Но за первым же поворотом улицы ему встретилась жившая по соседству влюбленная пара, которая тоже собиралась за город подышать воздухом; они радостно глядели на небо и обменивались счастливыми улыбками. Это зрелище мгновенно повергло Жозефа в мрачное состояние духа: ведь у него не было никого, кому он мог бы сказать, что весна прекрасна, а прогулка под апрельским небом восхитительна. Тщетно старался он отогнать эту мысль и продолжать путь; очарование и радость исчезли; он поспешно вернулся домой и весь день просидел взаперти.

Единственным развлечением Жозефа в ту пору были вечерние прогулки в сумерках по бульвару, неподалеку от которого он жил. Он шел мимо наводящих уныние длинных закопченных стен, опоясывающих темной каймой пространство огромного кладбища, которое именуется большим городом, миновал жиденские заборы, в щели которых виднелась убогая зелень огородных грядок, скучные и однообразные длинные аллеи, серые от пыли вязы, а под ними сгорбленных старух и играющих под

их присмотром около канав детишек; порой попадался ему навстречу запоздавший инвалид, который, пошатываясь, возвращался в свою казарму, а иногда с другой стороны улицы доносились взрывы хохота и шум — это ремесленники справляли свадьбу; такой прогулки ему хватало на неделю; впоследствии он сам изобразил свои воскресные вечера в стихотворении «Желтые лучи». По этому бульвару он, бывало, часами брел медленным шагом, как «печальный, сторбленный, измученный старик»,¹¹ погружившись в неясные воспоминания и все более угнетаемый неопределенным, но тяжким ощущением неудавшейся жизни.

Если его тогда и занимали какие-то определенные и последовательные размышления, то это были весьма туманные проблемы, почерпнутые из философии Кондильяка,¹² ибо, лишенный книг, на покупку которых у него не было денег, отказавшийся от общения с людьми, которое приносило ему лишь тревоги и сожаления, Жозеф искал убежища в этом учении, близком по духу молчаливым и задумчивым характерам. Его жадный ум за неимением пищи, поступающей извне, вгрызался в самого себя и жил собственными соками, подобно несчастному голодающему, который пожирает собственное тело.

Тем не менее, несмотря на все внутренние бури, Жозеф с неизменным упорством продолжал совершенствоваться в избранной им профессии. Наконец, нашлись лица, которые заметили его и предложили ему поддержку. Они посоветовали ему два-три года поработать в